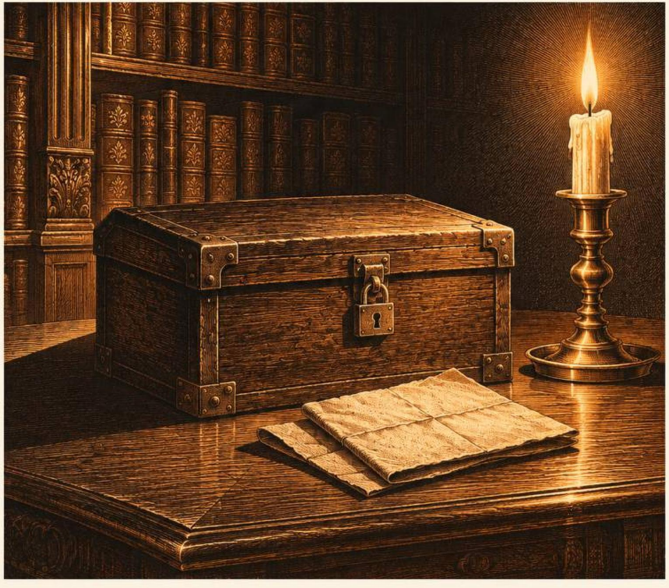
МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ БРЭДДОН

МЕСТЬ И НАСЛЕДСТВО

18+

Мэри Брэддон
Месть и наследство

https://litres.ru/74753899
SelfPub; 2026

Аннотация

Сэмюэл Лоугуд хранит бумагу, способную погубить его соперника, и годами ждёт часа мести. Но что случится, если о его замысле узнает самый близкий человек?

Барбара находит в старинном сундуке забытое завещание. Открыть его - значит поставить под угрозу наследство отца. Скрыть - оставить чужую последнюю волю неисполненной. Молодой юрист, влюблённый в Барбару, берётся разыскать законных наследников. Кого приведут в её дом эти поиски?

А стряпчему Огастесу Петтиферу выпадает услышать чтение собственного завещания. Он жив, но окружающие, кажется, уверены в обратном

«Месть и наследство» - три рассказа Мэри Элизабет Брэддон, в которых спрятанные документы испытывают любовь и совесть, а мрачная интрига сменяется комедией нравов.

Полный русский перевод с английского с иллюстрациями

Содержание

Месть Сэмюэла Лоугуда 4
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Мэри Брэддон
Месть и наследство

Месть Сэмюэла Лоугуда

С первого дня и до последнего мы были соперниками и врагами. Быть может, именно во мне зародилась ненависть, ставшая впоследствии такой страшной страстью. Быть может, так и было! Во всяком случае, он всегда это утверждал. Я стар, и многие воспоминания поблёкли; но всё, что связано с ним, так же живо в моей памяти сегодня вечером, как пятьдесят лет назад, когда на престоле был Георг II, а мы с Кристофером Уэлдоном служили младшими клерками в большой судовладельческой фирме «Тиндейл и Тиндейл» на набережной Уиллборо.

Он был очень красив. Бледному, желтоватому, невзрачному пареньку с впалыми глазами, каким был я, тяжело приходилось сидеть за одним столом с Кристофером Уэлдоном и догадываться, какие сравнения невольно делает всякий вошедший в контору, взглянув на нас, — если, конечно, он вообще смотрел на нас обоих. А на Кристофера не смотреть было трудно. Боже мой! Я и сейчас вижу его за старым, потёртым, побитым и залитым чернилами столом. Июльское солнце льётся сквозь грязные окна на его светло-золотые

кудри; ясные голубые глаза смотрят через закопчённые стёкла на лес мачт, свисающих канатов и грязных парусов в доке снаружи. Одну белую, точно девичью, руку он небрежно бросил на стол, пальцами другой перебирает длинные локоны. Ему едва исполнился двадцать один год; избалованный любимец овдовевшей матери, сын покойного морского офицера и кумир половины женщин портового Уиллборо. Удивительно ли, что он был щёголем и франтом, а по воскресеньям и праздникам связывал откинутые со лба светло-золотые волосы изящной пурпурной лентой у воротника? Галстук и манжеты у него всегда были из тончайшего кружева, сработанного любящими материнскими руками; камзолы шил лондонский портной, когда-то работавший у мистера Джорджа Селвина и лорда Марча. В неслужебное время он порой носил маленькие бриллиантовые пряжки на башмаках и тонкую придворную шпагу.

Я тоже был сиротой, но круглым. И отец, и мать умерли, когда я был младенцем. Я вырос в работном доме, кое-как набрался случайных обрывков знаний у самых суровых наставников, а десяти лет был отправлен в контору «Тиндейл и Тиндейл». Мальчик на побегушках, разносчик, конторский чернорабочий, младший клерк — ступень за ступенью я поднимался по этой трудной лестнице, на которую мог ступить лишь с самого низа. И в двадцать один год очутился — где? По службе на одном уровне с Кристофером Уэлдоном, сыном джентльмена. Как часто приходилось мне, нищему сиро-

те разорившегося торговца зерном, слышать эти слова: сын джентльмена! Итак, я, Сэмюэл Лоугуд, одиннадцать долгих, утомительных лет работавший, надрывавшийся, сносивший пренебрежение и всё же ставший умелым счетоводом, в совершенстве овладевшим арифметикой, занимал то же место, что Кристофер Уэлдон. А он провёл в конторе ровно четыре недели — просто чтобы посмотреть, как говорила его мать, понравится ли ему.

Пользы от него было примерно столько, сколько от восковой куклы, и выглядел он, как восковая кукла, очень мило. Но господа Тиндейл знали его отца, старший Тиндейл был знаком с его дядей, а младший — с его двоюродным братом, жившим в аристократической части Лондона. Поэтому его сразу взяли младшим клерком и, как доверительно сообщил мне один из старших, он имел все шансы подняться гораздо выше, если постарается.

В арифметике он понимал не больше младенца, зато ловко рисовал пером хорошеньких девушек с напудренными причёсками, в свободных платьях и широких фижмах. Этим и развлекался, а ещё читал за гроссбухом романы мистера Генри Филдинга. Старшие клерки оставляли его в покое, зато меня бранили за то, что я не делаю заодно и его работу.

Я ненавидел его. Ненавидел щегольские повадки и надменные манеры; ненавидел красивое юное лицо в обрамлении золотых волос, сияющие голубые глаза, полные надежды; ненавидел за шпагу, качавшуюся у жёстких пол его

парчового камзола, за деньги, которыми он звенел в карманах жилета, за двое часов, которые он надевал по большим праздникам, за весёлый смех, певучий голос, изящную походку, высокий стройный стан, за обходительное веселье, снискавшее ему дружбу всех остальных. За всё это я ненавидел его. Но сильнее всего — за его власть над Люси Молден.

Люси жила милостями фирмы «Тиндейл и Тиндейл» и присматривала за городским домом, принадлежавшим Тиндейлам — просторным старым зданием, соединённым с конторами.

О ней знали лишь то, что она дочь старого отставного клерка, ослепшего над гроссбухами Тиндейлов, и живёт с отцом в этом мрачном, старом, опустевшем доме. Раз или два в год братьям приходило в голову задать там обед. Тогда полировали тяжёлую дубовую мебель, зажигали пучки восковых свечей в витых серебряных канделябрах и открывали портреты покойных Тиндейлов — судовладельцев и купцов времён Вильгельма и Марии. В остальное время огромный дом с длинными тёмными коридорами и высокими комнатами, куда редко проникал свет, был целиком предоставлен Люси и её слепому отцу. Дом примыкал к конторам; вместе они занимали три стороны четырёхугольника, четвёртую образовывала набережная дока. Наша с Кристофером контора находилась прямо напротив дома.

Я наблюдал за ним в то утро, когда он впервые её увидел, — наблюдал незаметно. Стоял палящий июльский день.

Прибрав спальню отца, свою и общую маленькую гостиную на втором этаже, она подошла к окну, распахнула его настежь и села за рукоделие. Продажей своего прекрасного шитья она пополняла скромную пенсию, которую фирма выплачивала отцу. Окно затеняли цветы в больших каменных вазонах; за ними она и устроилась.

Он заметил её сразу и выронил перо.

Красавицей она не была. Я знаю, не была. Думаю, многие не назвали бы её даже хорошенькой. Но для меня всегда, от начала до конца, она оставалась самой прекрасной, самой дорогой, самой прелестной женщиной. Мне так трудно отрешиться от того образа, каким она сияла для меня, что я едва ли сумею описать её такой, какой она была на самом деле.

Она была очень бледна. Возможно, безрадостная жизнь в тёмном старом доме, посреди грязного портового города, согнала румянец с её щёк и погасила свет в задумчивых карих глазах. Волосы у неё были очень светлые, бледно-льняные, совсем прямые и гладкие; она зачёсывала их назад на валик и скрепляла густым пучком на затылке. В резком контрасте с волосами глаза были тёмно-карими — такими тёмными и глубокими, что незнакомые люди принимали их за чёрные. Черты лица мелкие и тонкие, губы узкие, фигура хрупкая, рост ниже среднего. Одевалась она в нижнюю юбку из хлопчатой ткани в рубчик, серое шерстяное платье и белый передник.

Люси за рукоделием.

У Кристофера выпало перо. Он поднял глаза к её окну и замурлыкал любимую песенку из новой оперы о ворах и оборванцах, из-за которой мистер Гей, поэт, и одна прекрасная

герцогиня впали в такую немилость в Лондоне.

До того он был самодовольным щёголем и покорителем женских сердец, что не мог успокоиться, пока она не взглянула на окно конторы, у которого он сидел.

Песенка привлекла её внимание. Она оторвала глаза от шитья и посмотрела вниз, на него.

Она вздрогнула и залилась румянцем — прекрасным розовым румянцем, осветившим бледное лицо, точно отблеск огня. Потом, заметив меня за столом, кивнула и улыбнулась. Мы дружили много лет; я лишь ждал ещё одного повышения, чтобы сказать, как сильно её люблю.

С того дня Кристофер Уэлдон под разными предлогами всё крутился у дома. Завёл знакомство с её слепым отцом. Он недурно музицировал: после службы клал в карман флейту, отправлялся туда и часами играл в сумерках отцу и дочери, пока я прятался в тени конторского входа и следил за ними. О, как я ненавидел его, видя сквозь растения две светлые головы рядом, а подле них — слепого старика, который кивал, улыбался и хвалил музыку! Как ненавидел певучую оперу мистера Гея! Как ненавидел Кристофера Уэлдона, когда они с Люси прощались на ступени перед дверью, между высокими железными гасильниками для факелов, под давно не зажигавшимся масляным фонарём! Мне чудилось, что её маленькая белая рука дрожит, нежно махая ему вслед, пока он широкими шагами уходит в сумрак вечера.

Не выследить ли его? И там, где узкая набережная пустеет,

не броситься ли внезапно и не столкнуть ли в воду — туда, где баржи тесно стоят бок о бок и он неизбежно уйдёт под их днища, в чёрную воду? Бог, ведающий наши грехи, знает: я задавал себе этот вопрос!

Месяцами я следил за ними. О, какая горькая боль, какие безмолвные муки, какая долгая горячка страдания и отчаяния!

Как нанести ему тяжкий вред, который хоть на малость возместит всё причинённое мне зло? Быть может, зло мнимое: не завоюй он её любовь, я и тогда мог бы её не добиться. Но я молился — кажется, я был достаточно безумен и порочен даже для молитвы, — чтобы нашёлся способ ранить его так же смертельно, как, по моему убеждению, он ранил меня.

Однажды он взглянул на меня со своей весёлой беспечностью, отодвинул гроссбух и, утомлённо вздохнув, неожиданно спросил:

— Сэмюэл Лоугуд, вы знаете, что такое счёт от портного?

В душе я проклял его за наглость такого вопроса; но взглянул на засаленный рукав своего белого камзола и ответил:

— Я ношу его пять лет, а купил подержанным у торговца на набережной.

— Счастливый чёрт! — рассмеялся он. — Хотите увидеть счёт от портного — взгляните сюда.

Он перебросил мне длинную полоску бумаги; я посмотрел на итог.

Сумма была так чудовищна, что я перечитал её много раз,

прежде чем поверил глазам.

— Тридцать семь фунтов, тринадцать шиллингов и четыре с половиной пенса. Особенно мне нравятся четыре с половиной пенса: внушают доверие. Сэмюэл Лоугуд, мать умрёт с горя, если увидит этот счёт. Я должен заплатить через две недели, считая с сегодняшнего дня, иначе она узнает.

— А сколько у вас уже есть? — спросил я. Сердце забилось быстрее при мысли о его беде, лицо залилось краской. Но он сидел, опустив лоб на сцепленные руки, и на меня не смотрел.

— Сколько у меня есть? Вот столько.

С горечью он вывернул один карман жилета, потом другой.

— Не беда, — прибавил он прежним беспечным тоном. — За две недели я ещё могу стать богачом.

В тот вечер он, как обычно, торчал в доме напротив. Я слышал флейту, выводившую «Оставь насмешки», и видел две светлые головы за тёмной листвой маленького цветника Люси Молден.

Я радовался его беде — радовался его беде! Пустяк по сравнению с горем и отчаянием, которых я ему желал, но всё же *беда*. Светловолосый, голубоглазый юноша узнал, что значит страдать.

Дни шли, две недели почти истекли, а мой товарищ больше не упоминал счёта. Однажды мы по обыкновению сидели за столом: я трудился над сложной колонкой цифр, он грыз

кончик пера и довольно угрюмо смотрел через двор. Я спросил:

— Ну что, вы избавились от своей неприятности?

— От какой неприятности? — резко переспросил он.

— От счёта портного. Тридцать семь, тринадцать и четыре с половиной пенса.

Он взглянул так, словно с удовольствием сбил бы меня с высокого табурета, но вскоре ответил:

— Ах да, всё давно уплачено!

И засвистел одну из любимых песенок.

Давно! Недолго же длились его затруднения, подумал я.

И всё-таки сам на себя он был мало похож. Сидел за столом, спрятав лицо в ладонях, отвечал резко и отрывисто; *«Оперу нищего»* и «Полли» мы теперь слышали гораздо реже.

Кроме того, он вдруг сделался очень усердным и принялся много писать, но садился так, что мне ни разу не удалось разглядеть написанного.

Я был уверен: он занят чем-то личным. Но чем?

Любовные письма? Письма к ней!

Дьявольское любопытство овладело мною; я решил проникнуть в его тайну.

Под каким-то предлогом я вышел из конторы и вскоре вернулся так тихо, что он меня не услышал. Крадучись подошёл сзади, приподнялся на цыпочки и заглянул через плечо.

На половинке почтового листа он снова и снова, вдоль и поперёк, выводил подпись фирмы: «Tyndale and Tyndale».

Что это значило? Задумчивость? Простая рассеянность? Бессмысленная игра пера? Над столом у щёголя висело маленькое карманное зеркальце. Я взглянул в него и увидел его лицо.

Тут я всё понял. Ненависть наполнила меня такой ужасной радостью при мысли об открытии, что я громко рассмеялся. Он обернулся и сердито спросил, что я здесь делаю. Оборачиваясь, он смял бумагу в руке; невысохшие чернила испачкали его красивые белые пальцы.

— Шпион, проныра, подлиза! Чего ты тут ползаешь?

— Хотел только вас напугать, мистер Уэлдон, — ответил я. — Что вы такое пишете, если так боитесь показать? Любовные письма?

— Занимайся своим делом, жалкий шпион! — взревел он. — Дай мне работать по-своему.

— Я бы на вашем месте тоже продолжал. Уж очень приятный у вас способ работы, — кротко ответил я.

Через два дня, в половине четвёртого пополудни, Кристофер Уэлдон попросил у старшего клерка разрешения отлучиться на четверть часа. Ему, сказал он, нужно повидать одного человека на Хай-стрит, и после четырёх того уже не застать.

Когда он произнёс эту просьбу, я почувствовал, как моё желтоватое лицо вспыхнуло. Неужели я прав?

Он прослужил у нас четыре месяца. Кончался ноябрь, и в половине четвёртого было уже почти темно.

Его отпустили без малейшего колебания. Он встал, взял шляпу и медленно пошёл к двери. На пороге остановился, вернулся к столу, бросил шляпу и угрюмо опустил голову на скрещённые руки.

— Не знаю, хочется ли мне теперь с ним встречаться, — сказал он.

— Крис, да что с тобой? — воскликнул один из клерков. — Влюблён ты или в долгах, что на себя не похож?

— Ни то ни другое, — коротко рассмеялся он.

— Как, не влюблён? А хорошенькая белокурая девушка напротив?

— А что она? — зло отозвался он. — Бессердечная маленькая кокетка, пусть катится к…

Я с силой хлопнул по столу гроссбухом, над которым работал, и поднял голову.

— Кристофер Уэлдон!

— Ваш покорный слуга, — насмешливо ответил он. — Ну и вид у вас! Не в ваши ли владения я вторгся, Сэмюэл?

— Если хочешь застать своего приятеля до четырёх, тебе пора, Крис, — заметил клерк.

Он снова взял шляпу, несколько минут медленно вертел её, затем надел и, ни с кем не простившись, поспешил из конторы через двор.

Люси стояла у окна напротив, прислонив лоб к грязной раме. Я видел, как она вздрогнула и затрепетала при виде его.

— Если мне нужно отнести эти счета на Рыночную площадь, лучше отправиться сейчас, сэр? — спросил я старшего клерка.

— Ступай.

От набережной к Хай-стрит, где находился банк фирмы, вёл короткий путь через узкие дворы и площадки. Я уже поспешил туда, но остановился и передумал.

«Он пойдёт задворками, — решил я. — А я пересеку Рыночную площадь и пойду по самой людной дороге».

Через пять минут я был на Хай-стрит. Напротив банка стояла табачная лавка, где наши клерки покупали понемногу нюхательного табаку. Я зашёл и попросил девушку наполнить табакерку. Многими привычками я уже походил на старика и давно пристрастился нюхать табак.

Пока она взвешивала табак, я смотрел сквозь низкое окно на большие двери банка напротив.

Одна створка распахнулась. Вышел незнакомый старик.

Прошло ещё три минуты.

— Я жду приятеля, — сказал я девушке за прилавком.

Ещё две минуты. Двери опять открылись. Я оказался прав и не удивился: из банка вышел Кристофер Уэлдон и быстро зашагал по улице.

Было слишком темно, чтобы разглядеть лицо, но высокую стройную фигуру и лихую походку я узнал.

— Я не удивлён. Я только рад, — сказал я.

За долгие годы службы у Тиндейлов я, живя впроголодь,

сумел кое-что отложить из жалкого жалованья. Год за годом наскрёб сорок восемь фунтов пятнадцать шиллингов.

«Скоплю сто, — говорил я себе, — и тогда предложу ей выйти за меня».

Но единственная мечта моей жизни разбилась, и теперь маленькие сбережения были мне ни к чему.

Любви на них, пожалуй, не купишь. Но месть ещё можно.

Наутро я положил в карман всё до последнего фартинга и, при первом удобном предлоге отлучиться, побежал в банк.

— Один из наших клерков вчера предъявил у вас чек, — сказал я.

Человек поднял голову с удивлением.

— Да, разумеется, вчера у нас оплатили чек. Его принёс ваш красивый белокурый младший клерк.

— Можно мне на него взглянуть?

— Право, довольно странная…

— Просьба? Быть может. От имени господ Тиндейл я…

— Ах, если фирма уполномочила вас…

— Неважно, уполномочила или нет. Раз просьба кажется вам странной, поставлю вопрос иначе. Будьте добры сами взглянуть на чек.

— Разумеется. Вот он, — прибавил он, выбирая бумагу из ящика. — Чек на сорок фунтов, на предъявителя.

— Посмотрите на подпись фирмы.

— На вид всё верно. Мне ли не знать эту подпись.

— Посмотрите на букву «у» в слове «Tyndale».

Он вгляделся пристальнее и поднял брови со странным недоумением.

— Как-то вымученно написано, правда? — спросил я. — Старик Тиндейл пишет свободнее и размашистее. Очень близко, конечно; подражание весьма достойное. Но всё же не то.

— Подделка! — сказал он.

— Да.

— Откуда вы узнали?

— Это неважно, — ответил я. — Мистер Симмондс, у вас есть сыновья?

— Трое.

— Может быть, один примерно ровесник Кристофера Уэлдона?

— Один почти его лет.

— Тогда вы поможете мне спасти этого юношу?

— Каким образом?

— Погасите чек, а деньги верните в кассу.

— Милый молодой человек, а кто даст деньги?

Я вынул из кармана маленький холщовый мешочек и высыпал на стол клерка груду однофунтовых банкнот и золотых гиней с гербовым щитом в форме лопатки.

— Вот точная сумма. Сорок фунтов наличными за бумажку, которую Кристофер Уэлдон предъявил вам вчера без десяти четыре.

— Но кто платит?

— Я. Мы с Кристофером Уэлдоном служим вместе четыре месяца с лишним. Я видел его мать. Знаю, как она любит единственного сына. Знаю девушку, которая его любит. Мне не жаль сорока фунтов из сбережений, лишь бы дело осталось в тайне. Мистер Симмондс, ради собственных сыновей отдайте мне эту бумажку и погасите чек.

Старик схватил мою руку и крепко пожал.

— Молодой Лоугуд, во всём Уиллборо не найдётся другого юноши, способного на такой великодушный поступок. Не будь я бедным стариком, с трудом зарабатывающим на жизнь, я дал бы двадцать фунтов от себя. Но я уважаю вас и преклоняюсь перед вами. Под свою ответственность отдать чек не смею. Впрочем, старший компаньон сейчас у себя. Я пойду поговорю. Быть может, узнав все обстоятельства, он согласится замять дело и исполнить вашу просьбу.

Старик ушёл и отсутствовал с четверть часа. Я сидел в тихой конторе; сердце моё билось часто и громко. Младшие клерки, должно быть, гадали, по какому делу я жду возвращения их старшего. Наконец он пришёл.

— Пришлось немало потрудиться, — сказал он, — но я добился своего.

Я расхохотался, когда он отдал поддельный чек в обмен на отсчитанные ему сорок фунтов.

— Смейтесь, смейтесь, — сказал старик. — Вам есть чему радоваться, Сэмюэл Лоугуд: вы благородный человек.

⁂

В задней комнате нашей конторы стоял большой сундук, уже несколько лет пустовавший. Клерки разрешили мне пользоваться им; внутри я держал собственную шкатулку, окованную железом, купленную у старьёвщика на набережной. Туда я и положил поддельный чек.

Шкатулка в большом сундуке.

Кристофер Уэлдон совсем утратил свою весёлость. Я сидел рядом, будто целиком поглощённый работой, и украдкой наблюдал за ним. Это доставляло такое удовольствие, что я едва не забросил дела.

Ни *«Оперы нищего»*, ни *«Полли»*, ни вечерней флейты в мрачном старом доме напротив.

— Этот юноша Уэлдон бросает свои легкомысленные привычки и принимается за ум, — говорили клерки. — Далеко пойдёт, вот увидите.

«Пусть, пусть, пусть, — думал я. — Пусть поднимается по лестнице. А когда дойдёт до самой верхней ступени — тогда… тогда…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.